

ВЛАДИМИР ШЕСТЕРИКОВ

КОСТРЫ
ЗЕМЛИ

ВЛАДИМИР ШЕСТЕРИКОВ

КОСТРЫ ЗЕМЛИ

СБОРНИК СТИХОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ»

Алма-Ата — 1974

Ш51 Шестериков В.
Костры земли. Стихи.
Алма-Ата, «Жазушы», 1974.
64 с.

Эти строки запоминаются надолго:

Теперь бы он был нелеп,
Теперь бы его не ели—
Тот трудный военный хлеб,
Жесткий, как борт шинели,

«Баллада о хлебе» Владимира Шестерикова сжата и образна, полна раздумий о трудных военных годах. Но война отгремела давно, и поэт счастлив видеть свою землю цветущей и обновленной.

Тематика стихотворений, вошедших в сборник, разнообразна — от простых пейзажей Пришимья до мужественных новостроек республики.

P2

Ш $\frac{0742-147}{402 (07) 74}$ 145—74

© Издательство «Жазушы»

БАЛЛАДА О ХЛЕБЕ

Теперь бы он был нелеп,
Теперь бы его не ели —
Тот трудный военный хлеб,
Жесткий, как борт шинели.

Но был он высшей едой,
Тяжелый, грубый, как камень,
Пополам с лебедой,
Пополам со слезами.

И свято им дорожа,
Забудут ли хлеб этот вдовы,
Замешанный на дрожжах
Горя людского?

И сколько ни минет лет,
Я буду видеть воочию
Тот трудный военный хлеб,
Тоскливый, как очередь.

В пшеничном разгуле полей,
В колосьях звонко раскатистых
Мне вспоминается хлеб,
Выданный по карточкам.

И дрогнет душа, когда в зной
Под небом степным, бездонным,
Берет хлебороб зерно
И нянчит, как в люльке, в ладонях.

СТЕПНАЯ РОДИНА

Солончаки. Солончаки.
В упряжке ветра степь буксует.
Не разжимая губ сухих,
Полынь горячая тоскует.

Здесь был, наверно, край земли...
И тихо шествуя за нами,
Как аксакалы, ковыли
Качают мудро головами.

**И кажется, ветра веков
Седые бороды щетинят...
И как ладони мужиков,
Земля изрезана морщинами.**

**И колос, словно косы, рус
И пахнет чуть дымком паленым,
И небо кажется на вкус,
Как озеро, горько-соленым.**

ОСТРОВОК

Я стою у весны на стрежне...
Бьет по жилам весенний ток.
Затерялся в полях безбрежных
Рафинадной зимы островок.

Среди буйной весенней замяти,
Словно вьюг ослепительный смех
Он воздвигнулся, будто памятник
Непокорной снежной зиме.

Только я каждый раз замечаю,
Уходя на весны огонек, —
Он, как сахар в стакане чая,
Тает в ясный погожий денек.

И на этом месте мятежно,
Раскрывая смысл доброты,
Поднимаются вверх подснежники,
Удивительные цветы.

Распустив зеленые лычки,
В степь парадом проходят они,
Голубые мои пограничники,
На границе зимы и весны.

На границе тепла и холода,
На границе добра и зла...
Громом льдин тишина расколота,
Пушек гром раскален добела.

Поднимая весеннее знамя,
Алым маем мир ослепив,
Нам слышна тишина Вьетнама,
Словно в северной нашей степи.

Пусть из рук наших дальних сверстников
В глубину голубой высоты
Белым взрывом рвутся подснежники —
Островки самой доброты.

Чтобы там поля, как поверья,
Оживали в туманной мгле,
Пробуждая древнюю-древнюю
И святую любовь к земле.

Мы уходим — распахнут ворот —
В степь, где звонко царит весна.
Скоро желтой струйкой в просторы
Поплывет янтарь зерна.

**Облаков величавые стаи
Все бегут, куда взор ни кинь.
Может быть, это просто растаяли
Рафинадной зимы островки?**

Хорошо на лесной опушке
Под граненым весенним лучом...
Пусть звучат только мирные пушки —
Только сеялок радостный гром!

Мы идем по планете молодо —
И улыбка у нас светла —
На границе тепла и холода,
На границе добра и зла.

Ветер треплет косынки шалые,
В косы тысяча солнц вплетена,
Где-то там, на земном нашем шаре,
Островками идет война.

И шагает, весь мир вздымая,
Ощущая его на вес,
Юность в синей косынке мая
С алой песней наперевес!

ГРОЗЫ НАД СТЕПЬЮ

Вдаль тревожно глядят глаза,
Облака, как сугробы снежные,
А над степью —
Гроза,
Гроза,
А над степью — ветры мятежные.
Ну, а ты на мостике стой,
Стиснув руки на пыльном штурвале,
Навсегда потеряв покой,
Если степи к себе позвали.
Дорог каждый бесценный час,
Брезжит утро синей соляркой,
Если можно было б сейчас
Затянуться хотя б сигаркой.
И шумит ковылей круговерть,
Будто знатному хлебу радуясь,
Будто вышли на хлеб посмотреть
Наши пращуры,
Наши прадеды.
Те, что хлебушек жали серпом,
Не оставив ни крохи лишней...
Если б можно сегодняшним
 днем
В день вчерашний подбросить
 пышек,
Чтоб смахнули пот рукавом
Да наелись хлеба досыта.
Не звенящей росы серебром —
Их слезами земля омыта.
Смысл особый в слове «страда».
Если вдуматься, ясно станет —
Это значит — за хлеб страдать,
Нет на свете выше страданья!

Прорастает забвенья трава,
Оставляя одно заветом:
Хлеб насущный — всему голова,
Наша радость и праздник светлый.
Пусть сентябрьских дождей
шрапнель,
Пусть ревущих циклонов странствия —
Хлеб насущный — смысл наш и цель,
Хлеб насущный — наше богатство.
Если он твоя радость и боль,
И надежда твоя, и забота,
Принимай за него вечный бой
До последней капельки пота!
От ветров и дождей, в грозу
Стала жестью синяя роба.
Ты попробуй зерно на зуб,
Словно золото высшей пробы.
В нем восходов медленных медь,
Ясность зорь величаво-красных,
Не дадим же ему потускнеть,
Не дадим же ему погаснуть.
Пусть смешались и снег и
дождь,
День и ночь, а вечер с рассветом,
Лишь горячих моторов дрожь,
Лишь зерно семицветным
спектром.
И берет степь за пядью пядь
Самоходка — красная птица.
Ни на шаг нельзя отступить
От своих боевых позиций.
Сомкнут жесткий упрямый рот.
В строки мужества нива отлита,
Беспокойный в степи народ,
Наша гордость,

Слава,
Элита.
И натужно гудят шкивы,
Стонут «МАЗы» в грязище
 липкой,
И осколком степной синевы
На бессонных лицах — улыбка.
Ох, и крут осенний настой,
И могучи страды раскаты.
Там, где двадцать лет бороздой
Штриховали степную карту.
Среди зяби — кружок берез,
Облаков рваных в небе заплатки.
Сколько было в степи бурь и
 гроз, .
Начиная с первой палатки.
И поверьте, в пыли веков,
В словарях, манускриптах
 длинных
Не найдется весомее слов,
Чем геройское слово — целинник.
В штормовых ветрах целина,
Из-под шапки выбились волосы,
Здравствуй, бой, до крупицы
 зерна.
До последнего самого колоса!

* * *

В степи рождаются солдатами.
В степи рождаются с талантами.
Здесь держат небо, как атланты,
Громады башен элеваторов.

Здесь могут ветры,
Буйны ветры
В березах вековых запутаться.
Машины бешено в кюветы
Ползут
В осеннюю распутицу

Но шествует вперед движенье
Всегда — и летом и зимою.
Одолевая притяженье
И неземное,
И земное.

И невесомо, и весомо,
Как пахарь,
С воротом распахнутым,
Швыряет солнце в степь солому
Большими щедрыми охапками.

И нет величественней битвы,
Чем та, где льются хлеба реки...
И в бронзу колоса отлиты
Дела и думы человека!

* * *

По степи стелют кошмы
Ветерки, ветерки.
Солнце звонкое скошено
В золотые валки.

Полинявшей матроской
Синь комбайнер поджег,
Огоньком папироски
На комбайне — флажок.

И как птицы, как птицы,
Полога, полога.
И пшеницы, пшеницы
Берега, берега.

Как наплыв, из тумана
Степь, мазут и бензин.
Всюду только комбайны —
Никаких бригантин.

Пляшет солнце, как маятник,
День от пыли ослеп...
Только к черту романтику,
Не в романтике хлеб!

КОСТРЫ ЗЕМЛИ

Горят деревья, реки и кусты,
Сжигают степь ковыльную закаты.
А на земле — костры, костры, костры,
А на земле рождаются солдатами.
А на земле смеется детвора,
А на земле-то тишина какая!
А на земле рокочат трактора,
А где-то ярость пушек не смолкает.
... Нетороплив высоких мыслей бег,
И ничего из памяти не стерто...
И в поле через годы человек
Идет в солдатской рыжей гимнастёрке.
И вспыхивает сердце на ходу
И замирает потому, наверно,
Что в нем и в мирном нынешнем году
Еще дымится грозный
Сорок первый.
Как пуля, эта память горяча,
Упав подстреленною птицей с лета,
И в выхлопах шального пускача
Все слышен лай свинцовый пулемета.
В атаку поднимаясь в рост
Во сне,
Ах, время, время,
Как же ты жестоко...
Зачем солдат всегда ты на войне —
И в забвении
И в памяти далекой?
Но был солдат тот ветром опален,
Но был солдат тот дерзким и упрямым,
И сел солдат в целинный эшелон,
И укатил за синими ветрами.
А в том краю полнебища зари,

А в том краю ковыльи перекаты.
В краю том, будто богатыри,
Сутулят плечи башни элеваторов.
Еще живет мгновение курка,
Но в кузов бьется вьюжная и буйная
Пшеницы золотистая река
Из рукава сверкающего бункера.
Да будет это много, много лет,
Да будет солнце, поле и опушка,
Да будет хлеб,
Пахучий щедрый хлеб,
Да будет хлеб могучей всяких пушек!
Костры земли горят, горят, горят
У дня и ночи,
Где-то там, на грани.
И нет сильнее призванных солдат
И мирных хлеборобов по призыву.

МОЕ ПРИИШИМЬЕ

Пусть просто запах хлеба,
Седая мудрость пня.
Пусть не ракетой в небо
Нацелена копна.

Пусть вечера недивные,
Пусть просто у орла
Совсем не реактивные
Раскинулись крыла.

Где б ни встречал я росы,
Несу всегда с собой
Зеленые покосы,
Степи седой покой.

Нехитрые просторы,
Ветров полынных злость,
Да солнце то, что в формы
Ромашек отлилось.

Шершавые колосья,
Шум нивы за бугром,
Да песню проголосную
О чем-то дорогом.

Пусть вьется в синь бездонную
Кизячный сизый дым,
Пусть нет реки диковинной,
А просто есть Ишим.

Озер вода незрячая
Да ржавчина куста...
Чем красота неярче,
Тем ярче красота!

* * *

Летом мне не хватает снега
И салазок звонкого бега,
А зимой — зеленеющей ивы,
Серебристого плача иволги.
А еще журавлиной стаи,
Улетающей вдаль,
Не хватает.

Дни пройдут. И снега растают.
Мне чего-то всегда не хватает.
В радость мне не хватает грусти.
Когда тихо — то песни русской,
Ночью мне не хватает дня,
В холод — ласкового огня,
Когда дождь — голубого неба,
Когда сыт — то ржаного хлеба.

ДРЕВНЕЕ РЕМЕСЛО

Шум жаток, словно всплески весел...
Там, за околицей села,
Поймешь душой — из всех ремесел
Древнее нету ремесла.

О, миг выращиванья хлеба!
Непревзойденный миг; когда
Слились в одно земля и небо,
И пот, и солнце, и вода.

И раскаленными глотками
Пьет небо пахарь из ковша,
И руки грубые, как камень,
К штурвалу тянет не спеша.

И потому так пахнут вкусно
В печи нагретые листы,
Что хлеб, как вечное искусство,
Совсем не терпит
Суеты.

ДОМБРА

Задышается конь. Спешит.
Через колки скачет и реки.
Степь! Ты слышишь грохот копыт,
Тот, что брошен, как вызов, веку?
И уже нет пути назад,
Эй, давай, эскадрон, в погоню!
И в бессмертье вскачь летят
Из эпохи геройской кони.
Так звени же, домбры накал,
Над простором степного края!
Струны вещие аксакал,
Словно юность, перебирает.
От весенней памяти пьян.
Он спешит в голубое утро,
Где сорвал свой первый тюльпан,
Где входил он в юность,
Как в юрту.
Ты звенящей домбре подпевай,
Рыжегривый ветер соленый...
И качается малахай,
Как в степи одинокий подсолнух.
А джигиты вокруг собрались:
Как кумыс, эти песни целебны...
И косят глаза кобылиц
На пиалу синего неба.
Может, это — всплески ресниц,
Может, годы, что в ливнях пройдены,
Может, гимн возвращенью птиц
На свою степную родину.
И вокруг — торжество добра,
Степь лежит без конца и начала,
Словно птица ~~заверзется~~ домбра
Из поющих рук ~~аксакала~~.

КОЛЬЦО

Улыбкой светлой и прощальной
Озарено твое лицо.
И как колечко обручальное,
Блестит степное озеро.

И за курганами, за скатами,
За золотым раздольем нив,
Кольцо то катится и катится,
Сиянье солнца уронив.

И путь его в степи неведом,
И словно часть моей души,
В озерах синих камыши
Хранят забытые легенды.

КОСАРИ

Как ударит гром в горны
Раскаленной зари —
И получатся добрые
Из дождей косари.
Полыхнут в небе молнии
Блеском огненных кос,
И пойдет ходом полным
Сенокос, сенокос.
Струи тонкие хлынут,
Будут степи стегать...
Светло-русые ливни
Собирайте в стога!
Кос звенящих шуршанье,
Как шуршит в поле рожь,
Только листьев дрожанье,
Только скошенный дождь.

* * *

Когда-нибудь из дымки рыжей
Придет то время издали,
Когда я вовсе не увижу
Цветами пахнущей земли.

Не в силах вымолвить ни слова,
На радость или на беду,
Я задохнусь от воздуха хмельного
И в шорох трав звенящих упаду.

Протянет руки тоненькая ива,
Я посмотрю на мир издалека,
И будет вечно плакать иволга
И стынуть в карауле облака

КОЛКИ

Тихо-тихо. Запряженный в тройку,
Мчится ветер в поле удалом,
Да сороки за деревней бойко
Все судачат что-то о былом.

Мне опять почудится, как будто
Серебром мороза опален,
В зареве восхода алым утром
Полыхнут, как смерч, шелка знамен.

И о землю твердую, как бубен,
Стон копыт в глухой дали забьет...
И о медь трубач шальные губы
В миг тревоги первой разнесет.

Но спокойно. И не воют волки,
Словно прежде, в поле ледяном.
Лишь стоят в снегу неслышном колки,
Словно принакрытые щитом.

Вспыхнет солнце. Иней, как корона,
На ветвях серебряных сверкнет...
Мы теперь не ездим на коровах
За дровами, как в нелегкий год.

Не сломили нас,
Не сбили грозы,
Вьюги колки те не замели...
В шлемах белых сторожат березы
Древнее молчание земли.

ТИШИНА

Тишина.

И ветка не хрустнет.

Только тихо вздрогнет волна.

Сколько смысла

И сколько грусти

Ты таишь в себе, тишина.

Пусть порой тишина обманчива...

Только чутко ее хранят

Полусумрачный лес загадочный,

И горящий в полнеба закат,

И сверкающий луг ромашек,

И огромная синева,

И платок, что вслед тебе машет,

И невысказанные слова.

Не люблю ничего крикливого,

Пусть плывет и плывет тишина

Хороводами журавлиными,

Тихой сказкой зимнего сна.

Я желаю в век сверхактивный

Когда нервы напряжены,

И ветрам,

И винтам реактивным

Тишины,

Тишины,

Тишины.

* * *

Пусть мороз выбивает морзянку.
Только песней память тронь,
Вспоминается сразу землянка
И в печурке тесной огонь.

Это, может, совсем не просто,
И мечта моя нелегка:
Если б в наши сердца подбросить
Из печурки той уголька.

.

* * *

И солнце смешано с печалью,
И тихий смех сквозь горечь слез...
И ты, как будто бы нечаянно,
Снежинку вырвешь из волос.

И вдруг поймешь впервые, с мужеством —
Уходит лето, словно стон...
И в буйной зелени закружится
Сухой оранжевый листок.

Но стихнут ветер и усталость,
Да как подумать ты могла,
Что медь та с дерева сорвалась,
А нить серебряной была?

ЗЕЛЕНЫЙ ЦВЕТ

Не бросайтесь в подушку лицом,
Если кто-то, самовлюбленный,
Называет вас в споре юнцом,
С той обидной прибавкой — зеленый.
И кляня этот глупый цвет,
Не найдя в то мгновенье ответа,
Не забудьте — ваш оппонент
Променял бы всю жизнь на лето,
На бушующий юности вал,
Тот, какому не повториться,
Потому что желтеют трава,
Люди, годы, события, лица.
И порой, сентябрем опаленной,
И в морозный синий рассвет
Будет сниться зеленый цвет
Тем, кто вас называл зеленым...
И в потоке летящих лет,
Где шумят одиноко ветлы,
Берегите зеленый цвет,
Никогда не сдавайтесь желтому!

ПЕСНИ ВОЙНЫ

Брезент под мокрым ветром с пушек рвался,
И были все огни притушены...
Кружились вы одни в случайном вальсе
На самом остром краешке войны.
Нам годы те не могут отосниться,
Еще полны тем временем сердца,
Как будто провожает на позицию
По-прежнему та девушка бойца,
Как будто бы еще повестку почта
В той сумке на ремне не принесла,
Как будто синий маленький платочек
Еще всю жизнь свою не берегла.
И пусть уже прошли десятилетия,
Но в памяти твоей всегда жива
Прощальная улыбка, чуть заметная,
И дорогого взгляда синева.
Как будто звуки, как дождевики, льются,
Перебирая в памяти за ладом лад...
Да где ж упал под Ржевом иль под Курском
Тот самый незнакомый лейтенант?
Пусть горестно концы платка опущены.
Но взгляд, как прежде, тот же, молодой,
Так много лет подряд
По-прежнему Катюша
Выходит на берег,
Высокий и крутой.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Везут машины золотистый груз
И от курганов веет былью древней...
Есть в осени особенная грусть,
В полете птиц и в шорохе деревьев.

И в желтом спелом звоне колоска.
И в облаках, что пролетают мимо,
И рвется в душу осень, как тоска,
По той одной, единственной, любимой.

Еще в степи закаты широки,
Раскинувшись на сотни километров,
Как щедрый лета бабьего мазки
На позаброшенном степном мольберте.

А дни стоят по-прежнему светлы.
Но так легко теперь в них обмануться.
И догорают на лугах цветы,
Чтобы вовек на землю не вернуться.

Крик журавлиный в небе потонул,
Печально факелов багряных шествие...
И лето умирает потому,
Что в осени достигло совершенства.

СНЕЖНАЯ ДЕРЖАВА

Входите в снежную державу.
Где, самобранкою стеля,
Снег невесомый плавно-плавно
Ложится тихо на поля.

Где так причудливы деревья,
Где стынут в поле, задремав,
Дрожащие огни деревни,
Стога, как будто терема.

Пойду направо иль налево,
Я перепутал век и час,
Зима одета королевой,
Зима невестится сейчас.

То хрустнет снег, то ветер дунет,
То тайным блеском вспыхнет лед.
Как жгучая коса колдуньи,
Поземка белая ползет.

И шорох с тихой тайной смешан,
И все мне кажется, что вот,
Как в давнем сне, дремучий леший
В державу зимнюю войдет.

Скрипят полозья и салазки,
На ветках серебро звенит...
И нерасказанною сказкой
Зима державная лежит.

МОЛЧАНЬЕ

Нет, не всегда молчанье золото!
Особой в нем заслуги нет.
Иной раз скажешь только слово ты,
А скольких сбережешь от бед.

Когда вас кто-то бьет отчаянно,
А на устах друзей — печать,
Тогда не золото — молчанье,
Предать вас —
Значит промолчать!

МАРИЯ ВОЛКОНСКАЯ

Гудят ветра веками вещими,
Метет метель белым бела,
Мне видится в тумане женщина,
Что в ссылку вечную пошла.

Как в латы, в лед одеты реки,
Глухой дороге нет конца,
В ушах изгнанницы, как реквием,
Застыл державный гнев отца.

И уговоры бесполезные,
И крик безмолвный, и печаль,
Плывут полозья полонезами
В Сибирь,
В неведомую даль.

О, эта добровольность плена
В медвежьем сумрачном углу!
Пурга, как пляска пунша пенного,
Как всплески платьев на балу.

В глазах таинственных свеченье,
Огней мерцающих игра,
Всей жизни стоит отречение
Во имя долга и добра.

Лишь только след саней поющих,
Снегов летящих серебро...
В туманном Петербурге Пушкин
Роняет грустное перо.

Не торопитесь рано в взрослость,
Еще придет к вам та пора,
Где росы — это только росы,
А не разливы серебра.

Где небо — это только небо,
Трава, так только лишь трава,
Где нет ни сказок,
Ни волшебниц,
И — никакого колдовства.

И не взорвется град гранатой,
И будет целый мир скучней,
Брожу я грустным эмигрантом
По странам взрослости своей.

Где просто все
И так непросто...
Где все игра и не игра...
Не торопитесь вы во взрослость,
Еще придет к вам та пора!

СЛАВЯНКА

Эшелонам вслед и полустанкам,
Вслед векам,
Сквозь синий окоем
Машет синеглазая славянка
Вышитым крест-накрест рукавом.

И поют печалью светлой руки,
И на солнце устремляя взгляд,
Огненные лебеди разлуки
Мужественно к воинам летят.

Возвращайтесь — встретит вас с улыбкой,
Светлорусой тихой красотой,
Словно дымкой, над геройской Шипкой, —
Радостью — печалью вековой.

Встретит и — не вымолвит ни слова,
Лишь грустинки вспыхнут на свету,
И опять на поле Куликовом
Белые ромашки зацветут.

Ну, а если загрохочут пушки,
Поплывут над заревом полей
Песни Ярославны и Катюши,
Матери седеющей моей.

ЛИЦА

Войдите в галерею лиц,
Знакомых и полузабытых,
И редькой вверх,
И редькой вниз,
Нам не всегда они открыты.

То неприступны, как скала,
А то, улыбкою сражая,
До мелочей,
Как зеркала,
Они нам душу отражают.

И просто так, и сквозь очки
Предстанет столько лиц невольно,
Застегнутых на все крючки,
Распахнутых, как будто поле.

И ты попробуй, разберись,
Где лести мед, а где радушье,
Где торжество прекрасных лиц,
Где пустота лиц равнодушных.

Той галерее нет конца...
Но все же больше всех на свете,
Страшусь приятного лица
С неразличимой маской смерти.

НА КУРГАНЕ

Ах, пролейся, степная синь,
На ладони степного ветра,
Задохнись горьким счастьем полынь,
Чтоб запахло горечью лето.

Я за вами уйти готов,
Заповедные мудрые тропы...
Из глубинных далеких веков
Все мне чудится конский топот.

И я вижу сквозь тихий туман,
Что ветрами с озера сдунут,
Позабытый всеми курган
Со своей одинокою думой.

А над ним — дни мятежно светлы,
На просторах, мечом рассеченных,
Навсегда догорают цветы,
Словно память о давних сечах.

И на землю, где жил я и рос,
Где шумели битвы и грозы,
Проливается нежность рос,
Словно в душу первые слезы.

На земле все не вечно,
Только вечны всегда
Синь небес бесконечных,
И снега, и звезда.

Эх, пролиться б дождями,
Быть и всплеском воды,
И печальным дрожаньем
Одинокой звезды.

Белым снегом черемух,
Звоном колоса в зной,
Ивы сладостной дремой
Над степною рекой.

Чтоб закат долго-долго
Над землей полыхал,
Чтобы кто-то в восторге,
Как и я, замирал.

Пришла пора взглянуть с тобою
На дни, что, как дворцы, светлы...
Какое небо голубое,
Какие буйные цветы.
Ну кто почувствовать бы мог
В душистый зной
Под звон колосьев
Тот самый первый холодок,
Что невзначай приносит осень.
И я заметить не успел,
Когда бродил по травам сонным,
Как вместо солнца
Догорел,
Рассыпав искры в степь, подсолнух.
Как светофоры желтый, красный,
Горят цвета полей сейчас...
Не с совершенства ль этих красок
Уходит молодость от нас.
И вспыхнут первые костры
Багрянцем осени печальной...
О, сколько скрытой красоты
В том увядании начальном!

УВЕДИ НА ЛУГА

Уведи на луга меня ты,
В голубые свои просторы,
Где дымят колдовские цветы
Из осколков свинца
И пороха.

Уведи на луга меня ты,
За туманы свои незрячие,
Отчего у тебя цветы,
Неспокойного цвета ржавчины?

Отчего в лесах тишина,
И о чем-то тоскуют ветры,
И как древний шелом, копна
На тревожную землю одета.

Ощетинились зло плетни,
Паруса облаков опущены...
И с откоса сосна летит,
Как стрела, что из лука пущена.

* * *

На ветках тихо догорает лето,
И оттого становится грустней,
Что в облако заснеженное вдета
Серебряная цепочка гусей.

Сквозь синевы плескучую путину,
Сквозь тронутые золотом леса,
Она вдруг обернется паутинкой
В нагретых теплым солнцем волосах.

Не вырывайте!
Пусть она останется,
Заметьте то мгновение, когда
Та паутинка тянется и тянется
Через
Деревья,
Годы,
Города!

ОДА КАРТОШКЕ

Пропахло синим дымом небо,
Картошку мы печем в золе.
Ее вторым считают хлебом
Недаром, видно, на земле.

Ветрами войн насквозь продуты,
Нам говорят отцы всерьез,
Что им без этого продукта,
Наверно, туго бы пришлось.

Я знаю сам: картошка—сила!
Как снег, рассыпчата, бела,
От злого голода Россию
Она, наверное, спасла.

Заправлена воображеньем,
Неся свое название звонко,
Была нам высшим угощеньем
Простая русская толченка.

Не сосчитают, видно, люди, —
Я в том их вовсе не виню, —
Какие существуют блюда
В большом картофельном меню.

И долго будут помнить в мире,
Раскиданном на тыщи верст,
Картошку русскую в мундире
И в тряпице крупницы звезд.

МАТЬ

Бодро в хату родную вваливаюсь,
И кружусь я по ней и топаю...
Ну, а мать мне — мораль о валенках,
Ну, а мать — о носках незаштопанных.
Ну, а мать непременно выразит
Между делом, между пышками,
Что, мол, вот сыновей повырастишь,
А они — письма не напишут.
И ожгет, как молния, жаркая,
Где-то мысль в уголке укромном,
Что опять забыл о подарке —
Самом маленьком, самом скромном.
А сама каждый раз вручает —
Не проводит пустым с порога...
И опять провожает ворчаньем, —
Наставленья дает в дорогу.
Ну, а мы по свету слоняемся,
Ну, а нас гонит ветер странствий,
А она — будто бы извиняется,
Будто к этому делу причастна.
И когда нам становится больно,
Пристаем мы к родному берегу...
И листаем тетрадки школьные,
Что нам мать сохранила бережно.
А на завтра — искристым утром,
С облеченным надолго сердцем,
Мы вникаем в житейские мудрости,
Добавляя в пельмени перцу.
Мама, мама, морщинок складки,
Как у трудного серого хлеба,
Что себя отдаст без остатка
И взамен ничего не потребует.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Жгли боги в топке неба солнце,
Кипели в пекле облака,
Но шли вперед первопроходцы
Тропою длинной, как века.

Навстречу плыли мили, мили...
О жизнь, короткая,
 как взрыв,
Вы в неизвестность уходили,
Своих америк не открыв.

О, правота земного права!
Ушедшие в забвенье лица...
И ты, замученная правда,
В тисках суровых инквизиций.

Сгорает убеждений верность,
Но вижу сквозь века и бури,
Как из костра родился Бруно
И крутит шар земной
Коперник.

ИМЕНА

На лугу диковинном приляжешь,
И живой водою оросит...
Сколько было на Руси Лебяжьих,
Сколько их осталось на Руси.

Козырьком ладонь,
Подковкой брови...
И я вижу: столько лет подряд,
Перья облаков роняя,
Снова
Лебеди в Лебяжее летят.

И растет проросших крыльев шелест,
И, склоняясь тихо до земли,
Выгибают вдаль лебяжьи шеи
Мудрые степные ковыли.

Я люблю названья сел непышные
И имен старинных карусель.
Вот пишу, а где-то над Метлишино
Колдовская мечется метель.

Берегите добрые приметы,
Как побродишь по родным местам,
Заново почувствуешь планету
По нехитрым этим именам.

Козырьком — ладонь,
Подковкой — брови...
И я вижу сквозь века
Подряд:
Лебеди, роняя перья,
Снова
На заре в Лебяжее летят.

МОЯ НЕ ПЕРВАЯ ВЕСНА

А нужен ль нашим веснам счет?
Да, он кому-то очень нужен.
Вот, как березка, в мир завьюженный
Десятиклассница идет.

Смотрю в улыбчивые лица,
Что не подернуты ледком...
А может, взять да заблудиться,
Да в ту весну уйти тайком.

В ту первую — уйти, как в небыль,
Туда, где столько лет подряд,
Крылами раздвигая небо,
Как снега, лебеди летят...

Нам тот полет необходим,
Я снова птиц весенних вижу.
С весною каждой — до седин,
До первых заморозков ближе.

И я хочу, чтоб были в них,
И все сегодняшние были,
И отблеск лет тех грозовых,
И чистота степи ковыльей.

И как высокое мгновенье,
Неистребима и ясна,
Неси, неси мне обновленье,
Моя не первая весна.

Вдоль шумных улиц я брожу
И солнцем весен память грею...
Нет, я о первой не тужу,
Вторая — все-таки мудрее.

ШАХМАТНАЯ КОРОЛЕВА

И направо смотрю
И налево,
И спокойна моя душа.
Но вдруг шахматная королева
В сказку елочную вошла.

Под огней серебристые ленточки
Пронесла в серпантинный рай
Платье в черных и белых клеточках
И корону из серебра.

И в манящих огнях, волнуясь,
Я вдруг чувствую — шах мне, шах!
И смотрю, как делает в юность
Детство робкое
Первый шаг.

И направо смотрю
И налево,
В ритме вальса кружится земля.
Подрасти бы чуть-чуть королеве,
Превратиться бы мне в короля!

ЛЕС

У степи порой повадки лисьи,
Машет полдень ковылем седым.
И проходят грозы где-то близко
Только мы стеной, как лес, стоим.

И мужскими крепкими руками,
Матерея, словно мудрый лес,
Держимся, как дерево корнями,
За любовь и верность на земле.

Только бури выбивают сучья,
И летит по лесу сизый дым.
Потому так долго и беззвучно
Мы, как листья осенью, шумим.

И заламывает ветер ветви,
И цветы тревожно в даль глядят.
Впрочем, что я говорю об этом,
Просто — скоро будет листопад.

* * *

А на юге цветы на праздник
Дарят, как диковинки лета...
Полыхают букеты разные
Синим светом
И алым цветом.

Дарят розы
И дарят мимозы,
Снег бумажный вокруг рассеивая,
Полуватные Деда Морозы,
Не грустящие вовсе по северу.

А у нас здесь трещат морозы,
Индевеют теремы высей.
Да зазвонистые березы
В синеве, как сосульки, виснут.

А у нас лютый снег серебится,
Жарки зорьки, как полушалки.
И совсем ни к чему —
Из теплицы
Стебельки цветов получахлых.

Остаются с нами навеки,
Горьковатые, словно хвоя,
Ослепительных вьюг фейерверки
Да тревожный дым непокая.

ОБОЙМА

Мы в обложку одну наряжены,
Мы в обойму одну заряжены.
Ох, и тоненькие книжонки,
Голоса в них, наверно, не звонкие.

Хотя, может быть, все-таки разные,
Я последний!
Ах, чертова азбука.
Ну кому тут напишешь прошение,
Нахожу для себя прощение.

Ну представьте: уходим в бой мы,
Остается одна обойма.
Вспышки выстрелов в синий дым,
Остается патрон один.

И представьте, что в этой сече
Вдруг курок мой дает осечку,
Значит, этот заряд был зря,
Значит, мне ошибаться нельзя.
Разлетаются мысли искрами,
Я в обойме — последним выстрелом...
Мы ведь тоже ведем свой бой,
Откровением и добротой.

Пусть же строки снарядами рвутся,
Мне никак нельзя промахнуться!

ТРОЙКА

Тебе меня не докричатся,
Качнется на метле метель.
Я буду мчаться, мчаться, мчаться
В пургу за тридевять земель.

Где смешан ветер с синей ранью,
И эта даль и эта высь,
И только снег и только сани,
И только вслед разбойный свист.

И только вслед—простор огромный,
Поземка, что белее льна,
И в небе — ледяной короной
Плывет загадочно луна.

И звезд — снежинок лучезарных
Касаясь, тройка нас несет
За грань ту, где кончался старый
И начинался новый год.

То холм, то тихая равнина,
А ну, залетные, резвей!
Ну кто сказал вам, что машины
Быстрее стремительных коней.

Вон как выплясывает бойко,
И только ширь и только гладь...
Мне кажется, на этой тройке
До космоса ручкой подать!

СНЕГИРИ

Посмотри на снег, посмотри,
За окном — разноцветное зарево.
На снегу горят снегири,
Как на елке колкой фонарики.

Как осколки радуг крутых
Те, что вдруг на морозе застыли...
Неужели это на них
Солнца зимнего не хватило?

Сколько надо им выдержать вьюг,
Сколько красок теплых рассеивать...
Соловьями славится юг,
Снегирями светится север!

ПОГОДА

Как в тумане, небесная оптика,
Врут, в какой уже раз, синоптики.
Предвещаая погоду отменную,
Ну, а в небе туч пересмена,
И включают шоферы «дворники»
И сидят за рулем, как затворники,
И в забытой районной столовой
В адрес неба — крепкое слово!
Ручейки с дождевых плащей,
Устоявшийся запах щей,
И набор разных шуток соленых,
И дымок самокруток смоленых,
И с картины укор негромкий
Всем знакомой нам «Незнакомки».
Не беда, что многим нет места,
Что порою невкусно да тесно,
И отсутствует книга жалоб,
Если хлебом да солью жалуют.
Не согласен я с разной критикой,
Если жалобы пишут нытики,
Как дожди, бесконечно нудные,
В столкновении с первой трудностью.
Не всегда будет небо синее,
Степь выносливых любит да сильных.
И щедра она в самом деле,
Если дождь зарядил—на неделю!
Если грозы — так это грозы!
И тогда бессильны прогнозы.
И туманится неба оптика,
И пора бы в отпуск синоптикам.

* * *

Деревьев медных купола,
Как будто их начистил дворник.
Звенят, как грусть, колокола
В осеннем праздничном соборе.

О, птиц прощальные уста,
О, золотой поры мгновенья,
Нет ничего! Лишь красота,
Достойная самосожженья!

Пусть будет вечным этот миг,
И эта даль, и бесконечность...
Да вот замечено людьми,
Что красота недолговечна.

* * *

А в мире — шум и тишина,
И краткий миг, и просто вечность,
И просто осень, и весна,
Конец пути и бесконечность.

И потому на свете этом
То выбиваешься из сил,
То дышишь каждой клеткой лета,
Все мир в себе соединил...

ОГОНЬ

В печурке белой яростно горят
Свирепые морозные поленья...
Из века в век передо мной подряд
Проходят племена и поколенья

То над землей поют колокола,
То буйствуют колосья золотые,
То ветер раздувает купола,
То пролетает конница Батыя.

То маки в поле разольются в рост,
То за селом подсолнух распрямится,
То выбросит пушистый рыжий хвост
Оранжевая шустрая лисица.

То вспышки молний,
То борьба стихий.
Встают под знамя древние поверья,
И шпоры распускают петухи,
И прорастает в дебрях род мой древний.

ВЕТРЯНАЯ МЕЛЬНИЦА

Эта старая мельница, —
Крест опущенных рук...
Что ж теперь ей не мелется,
Что ей видно вокруг? —
Гордый взлет элеваторов,
Зной колосьев тугих...
И она виновато
Тихо смотрит на них.
Только я по обычаю
Ей всерьез поклонюсь,
В ней я вижу величие
И нездешнюю грусть.
Словно встал над полями,
Прадед мой с бородой.
Словно в душу мне глянул
Лебедой и бедой.
И такая в нем сила,
И такая в нем власть,
Будто это Россия
Всех времен в нем сошлась.
Как из сказки Емеля,
Все снесет и простит.
Беды все перемелет,
От невзгод устоит.
Посмотреть мне охота,
Как когда-то вдали
Чудаки Дон-Кихоты
На те мельницы шли.
И теперь силой древнею
Чутко веет от них.
За селом,
За деревнею
Шелест нив золотых.

И хлеба, как метелицы,
Разметались вокруг. . .
Эта старая мельница,
Крест опущенных рук.

ОПАСНЫЙ ВОЗРАСТ

Куда идем мы гулкой ранью,
Куда стремимся сердцем мы,
Когда находимся на грани
Весны летящей и зимы.

О, сплав тепла и сплав морозов,
О, сплав огня и седины,
Приходит тот опасный возраст,
Когда еще так ждешь весны.

Когда былого отголоски
Нас в утро первое манят...
Но прибавляется полоска
К высоким мудрым сводам дня.

Неумолимо время суток,
И не убавить их уже...
И оттого так смутно-смутно
И так смятенно на душе.

И кто же нас за то осудит,
Что вопреки природе всей,
Чем холоднее стал рассудок,
Тем стало сердце горячей.

ЗАКАТ

Мой предок бесконечно дик,
Степным загаром прокопченный,
Остановился у воды,
Закатом солнца пораженный.

И замерло в руке копьё,
Когда он как-то виновато
Увидел, как лосиха пьёт
Полоску алого заката.

Напрасно племя подавало знак
Тому, кто всех отверг навеки...
И тот отверженный не знал,
Что стал впервые человеком!

КОНИ

По лугам бродят грустные кони,
Им теперь не слышать погони.
Не подняться уже по тревоге,
Не поспорить с ветром в дороге.

Ходят кони грустные-грустные,
Все чубы им снятся русые.
Раздувают ветры каленые
Звезды алые на буденовках.

Эй, безусые мальчишки,
Жарких сабель острые вспышки
Да победы звенящей страсть,
Та, что песней в веках запеклась.

Бродят кони в степных просторах,
Ну, а где-то заводят моторы.
Прямо в лунные рассветы
Высоко стартуют ракеты.

Что поделать — на то и техника,
На коне... далеко не уехать,
Но сквозь время летят в погоню
Эскадроны, эскадроны...

СНЕГ В СЕНТЯБРЕ

Снег в сентябре пошел на диво
Свирепой огненной крупой,
Пошел такой несправедливый,
Такой непрошенный и злой.

Какое это время года?
Скажите,
Дайте мне ответ...
Смешала краски все природа
В предательский и хитрый цвет.

Времен и месяцев смещение,
Смещение возрастов и лет...
И в том неистовом смещенье
Преобладает белый цвет.

Крылом, как лебедь, небо машет
И сыплет первой сединой,
Колосья, как войска на марше,
Встают единою стеной.

И серые от непокоя,
Мои ровесники в степи,
Как будто бы на поле боя,
В одном строю,
В одной цепи.

Готовы были хлеб собою
Прикрыть от яростных невзгод,
Когда по полю золотому
Шрапнелью снег с размаху бьет!

... Моторы стыли в далях дальних,
И кто-то вымолвил в тот миг

С какой-то вышшею печалью:
—На фронте легче, черт возьми!

И стали в строй под свист метели,
Могущей вспыхнуть, как бензин,
Готовые надеть шинели,
Все как один,
Все как один!

И перед этой самой ратью
Бледнел небесных сил накал.
И снег колючий и косматый
Не устоял и... перестал.

И снова сквозь лихую слякоть,
Сентябрьским снегом опален,
Бросает бригадир в атаку
Степной гвардейский батальон.

ПЛАНЕТА

Вот он пышный,
С корочкой пахучей,
Как от солнца, от него светло.
Хлеб, наверно, теплый, потому что
Сохранил поющих рук тепло.
А еще он теплый, потому что
Сохранил тепло полей навек.
Умирают яростные пушки,
Если с хлебом дружит человек.
Пахнущую медом и рассветами,
Словно из пылающей ночи,
Маленькую круглую планету
Достают неспешно из печи.
Дышит она полной грудью поля,
Сколько солнца ей дано хранить!
Никому на свете не позволю
Даже крошку хлеба уронить!

СОДЕРЖАНИЕ

Баллада о хлебе	3
Степная родина	4
Островок	5
Грозы над степью	7
«В степи рождаются солдатами...»	10
«По степи стелют кошмы...»	11
Костры земли	12
Мое Приишимье	14
«Летом мне не хватает снега...»	15
Древнее ремесло	16
Домбра	17
Кольцо	18
Счастье	19
Косари	20
«Когда-нибудь из дымки рыжей...»	21
Колки	22
Тишина	23
«Пусть мороз выбивает морзянку...»	24
«И солнце смешано с печалью...»	25
Зеленый цвет	26
Песни войны	27
Осенняя элегия	28
Снежная держава	29
Молчанье	30
Мария Волконская	31
«Не торопитесь рано в взрослость...»	32
Славянка	33
Лица	34
На кургане	35
«На земле все не вечно...»	36
«Пришла пора взглянуть с тобою...»	37
Уведи на луга	38
«На ветках тихо догорает лето...»	39
Ода картошке	40
Мать	41
Первопроходцы	42
Имена	43

Моя не первая весна	44
Шахматная королева	45
Лес	46
«А на юге цветы на праздник...»	47
Обойма	48
Тройка	49
Снегири	50
Погода	51
«Деревьев медных купола...»	52
«А в мире — шум и тишина...»	53
Огонь	54
Ветряная мельница	55
Опасный возраст	57
Закат	58
Кони	59
Снег в сентябре	60
Планета	62

Редактор **Л. Щеглов**
 Художник **Н. Иванов**
 Худож. редактор **А. Смагулов**
 Техн. редактор **М. Злобин**
 Корректор **М. Кац**

Сдано в набор 15/V 1974 г. Подписано к печати
 3/VII 1974 г. Бумага № 1. Формат 70×90^{1/32}=2,34
 усл. п. л. (2,48 уч.-изд. л.)

УГ03853. Тираж 10 000. Цена 26 коп.

Издательство «Жазушы» г. Алма-Ата, 480091,
 Проспект Коммунистический, 105.

Заказ № 76. Типография № 18 Главполиграф-
 прома Госкомитета Совета Министров КазССР
 по делам издательств, полиграфии и книжной
 торговли, г. Алма-Ата, ул. Утепова, 23.